

Едва выйдя из автобуса, Джейни заподозрила, что совершила ошибку.

До этого (пока ехала много часов подряд, из одного города в другой, из одного в другой, и свет за окном понемногу тускнел, и дверь то со вздохом раздвигалась, то снова закрывалась, и постепенно смеркалось, и наконец окончательно стемнело, и голова болталась взад-вперед в полусне, а в Чикаго пришлось выйти, чтобы пересесты на другой автобус, и ждать, поставив дорожную сумку на землю, и снова ехать в темноту, и вот уже рассвет, и мимо проносятся клетчатый день, и отражение в окне наслаивается на дорожные знаки и торговые центры) Джейни казалось, что впереди ее ждет удивительное приключение. Она сбросила с себя свое старое “я”, оставила прежнюю Джейни позади.

Казалось, она ее видит: прежняя Джейни призраком движется по обычному своему маршруту, она осталась там, в городе, и сейчас идет в школу. Они были как разделенные сиамские близнецы: одному суждено выжить, второму — умереть, и доктора не знают, которому из двух повезет, поэтому мир напряженно застыл, наблюдая. Она дрожала от предвкушения (штаты становились просторнее, земля — ровнее, закончились куцые клочки кустов и деревьев и потянулись бескрайние поля, а вдоль дорог на столбах шатались знаки с божьими вестями). Она, новая

Джейни, шагнула из строя одноклассников и двинулась прочь, и кто знает, что станет с ней теперь. Ей казалось, можно оглянуться, бросить взгляд через всю страну и увидеть: строй шагает вперед без нее, и прежняя Джейни медленно плетется за остальными, как корова, не желающая отстать от тех, кто идет впереди.

Но теперь, после полутора суток в дороге, она вышла из автобуса, на деревянных ногах спустилась по ступенькам, и вид станции зародил в ней первые сомнения. Чистые пластиковые сиденья, запах антисептика, сборище очень плохо одетых людей, чьи чемоданы замотаны в полиэтилен и уложены горкой на полу, как великанский завтрак из завернутых в пленку бутербродов.

А главное, отец: он не приехал. Как он выглядит, Джейни не знала, но у дверей не было никого, чья нервозность и выражение взволнованного ожидания на лице соответствовали бы моменту. Никто не переминался с ноги на ногу, не вертел в руках кепку, не вглядывался в глаза каждому приехавшему. Или, по-другому: никто не стоял в центре зала, сияя от гордости и сложив на груди руки, так что купленный в супермаркете букетик цветов в целлофане болтался головками вниз. Здесь никому не было дела до грандиозного путешествия Джейни. И в свое собственное грандиозное путешествие тут тоже никто не собирался.

Она и не рассчитывала, что он будет ее встречать. Он не говорил, что приедет. Он вообще ничего не сказал, не ответил, когда она отправила смс (какая глупость — в подобных обстоятельствах писать смс!) и когда позвонила (“Эм-м, привет, это

Джейни, ваша... дочь"). Джейни опустила дорожную сумку на поблескивающий пол и проверила телефон (очередное сообщение от мамы проигнорировала). Но вообще-то она все-таки рассчитывала, что он ее встретит.

На том конце длинной ленты автобусного путешествия, на другом краю страны, прежняя Джейни сейчас, наверное, возвращается домой с электрички, уроки заканчиваются в четыре, потом дискуссионный клуб до шести, над головой — наклонный навес из листов. Джейни отчетливо видела, как прежняя Джейни проходит мимо соседских особняков, размахивая рюкзаком, как спотыкается на лестнице, ведущей к квартире, как кричит: "Мам, ты дома?"

Нет, погодите. Та, прежняя Джейни обгоняла эту на час. Значит, сейчас она должна ужинать, удобно устроившись на стуле и подогнув под себя одну ногу, рука с вилкой — в воздухе, как у оратора или проповедника, мать прислонилась к плите и смеется. Тем временем у новой Джейни, той, что остановилась перед рядом торговых автоматов, напрочь пропал аппетит, хотя в медленном и неудобном автобусе она почти ничего не ела (теперь-то она призналась себе, что автобус был неудобным, а в дороге все постила фотографии сараев, сена, домов, дорожных знаков с названиями населенных пунктов и численностью населения и сопровождала их рожицами, выражающими восторг, смех, удивление, озарение и другие эмоции, которые она в тот момент то ли испытывала, то ли нет), это были торговые автоматы с плоскими бутербродами, втиснутыми в пластиковые ячейки, и с пачками сигарет, которые выталкивает наружу спиральный держатель.

Боже. Подхватила сумку и вышла наружу, в весеннюю вечернюю прохладу.

14

Джейни было пятнадцать лет, и пять дней назад она узнала, где все эти долбанные годы пропадал ее отец. Мать вечно втюхивала ей древнюю историю про банк спермы, и Джейни верила, хотя как вообще можно было поверить в такую тупую хрень? Ведь был же момент, когда она подросла и научилась считать, так чего бы ей было тогда не сообразить, что она никак не могла появиться из пробирки? Какая женщина впадет в отчаяние и ляжет под спринцовку в восемнадцать лет — главный возраст любви и абортов? Но Джейни ей поверила и всю жизнь мечтала об отце. А в день пятинадцатилетия мать усадила ее и сказала, что Джейни уже достаточно взрослая, чтобы узнать: ее отец жив-здоров и находится там же, где мать Джейни его оставила, когда беременной сбежала в Нью-Йорк, чтобы дать будущей дочери лучшую жизнь, а оставила она его в Южной Айове — бесцветном краю стоянок грузовых автомобилей, переполненных тюрем и монокультурного земледелия. Джейни повезло, что она всего этого никогда не видела. Мать добавила, что только вот не надо теперь развивать в себе в связи с этим изнуряющие психологические комплексы, которые отравят ей всю дальнейшую жизнь. Джейни уже достаточно взрослая, чтобы принять осознанное решение о встрече с отцом и о посещении города, в котором ее зачали. Мать сама отвезет ее туда, когда учебный год закончится.

Другими словами, мать (*сука!*) ей *врала*.

Учебный год заканчивался только через месяц, и никто не имеет права так долго не давать дочери

увидеться с родным отцом. Уж не говоря про пятнадцать лет и сколько там еще дней.

Джейни шла по городу, по Центральной улице с ее поддельными старинными фонарями и закрытыми магазинами, хотя было еще только семь. Она взвалила сумку на плечо, как грабитель, и следовала мерцающей карте в телефоне. Нужный адрес обнаружился позади домов и торжественных нарядных лужаек, в одном из двух идентичных многоквартирных зданий из унылого серого кирпича. Домофона не было, поэтому она просто поднялась по лестнице к двери номер 209 и постучалась. “Эгегей! — позвала она смешным не своим голосом, чтобы было не очень заметно, как он дрожит. — Пивка не найдется?” Вообще-то она была не из тех, кто любит глупые шуточки, но вот пожалуйста. Она быстро поправила волосы.

Прежняя Джейни (лента дороги связывала их как веревка с двумя консервными банками или как игра в испорченный телефон: передаваемые сообщения искажались, почти лишались смысла, рассыпались в труху) сейчас, наверное, уже вернулась в Бруклин, говорит, что сегодня не ее очередь мыть посуду. Мать прежней Джейни, наверное, сидит перед компьютером и говорит, что мыть посуду всегда ее очередь. Мать новой Джейни как раз в этот момент звонила ей по телефону. Джейни услышала, как завибрировало в сумке. И тут же увидела, как поворачивается ручка на двери 209. Замок щелкнул, и за секунду, пролетевшую между щелчком и появлением отца, новая Джейни почувствовала, как откуда-то из самых глубин ее естества взметнулась наде-

жда, отчаянное желание, такое знакомое и задавленное, боль прежней Джейни.

Она отшатнулась, увидев в дверях испуганное лицо. Спешно растянула рот в улыбке.

— Сюрприз! — воскликнула она, разведя руки в стороны. — У вас девочка.

Кожа у него была белая, как у Фреда Флинтстоуна, а мощными плечами и осанкой он напоминал быка.

Джейни услышала, как он (ее отец?) сказал:

— Ты рано.

Она притворно надула губы.

— Надо было дожидаться тридцатилетия?

Новая Джейни улыбнулась с напускной отвагой прежней Джейни (той Джейни, которой хватило смелости отослать новую Джейни из дома, собрать сумку, пока мать на работе, помахать на прощанье из окна) и шагнула в квартиру.

Джейни сидела на одном конце дивана. Отец — на другом. Она чувствовала себя нелепо женственной, даже в своей далеко не девчачьей одежде: казалось, сама женственность кровью просочилась в эту смертельно-мужскую квартиру. Они разговаривали, вот так:

ОН (*избегая ее взгляда*): Я думал, автобус приходит в восемь.

ОНА: Все нормально. Я люблю ходить пешком.

ОН: Я собирался тебя встретить.

ОНА (*часто-часто кивая и оглядываясь по сторонам*): Нормально. Так, значит, вы здесь живете?

ОН: Это временно, перекантоваться.

ОНА: Да? А дальше куда?

ОН (*утыкается в телефон*): Подожди. Надо матери твоей позвонить.

ОНА: У нас диван почти такой же. Так чем вы занимаетесь?

ОН: Ну, я в эсха.

ОНА (*понятия не имеет, что это такое, и продолжает увлеченно кивать*): Классно.

(*Тишина. Кивание не прекращается.*)

Даже его телевизор казался ей пережитком прошлого. У нее телевизора никогда не было. Все ее экраны были компьютерами разных форм и размеров. Она чувствовала себя так, будто в поисках отца совершила путешествие во времени, и он оказался кем-то с диорамы в Смитсоновском институте, до того устаревшим, что уже даже почти футуристским. И, что ужаснее всего, вид у него был такой, будто ему смертельно хочется уйти, будто он предпочел бы не иметь ни малейшего отношения к тому, что тут происходит. Он уже превысил сегодня свой лимит общения. Он не думал, что все будет вот так.

ОН: Так ты говоришь, будешь пиво?

ОНА: Мне пятнадцать.

ОН: Точно. Позвоню твоей матери (*нажимает на кнопку*). Гудки. (*Поднимает палец.*) Привет, она тут... ага... ага... (*взгляд на Джейни*) Э-э, да не, вряд ли... ладно... (*Протягивает телефон.*) Хочет с тобой поговорить.

Последнее, что крикнула Джейни матери в приступе ярости после того, как та сообщила ей, что все

это время *знала*, кто ее отец, и после того, как Джейни потребовала объяснить ей, как можно было *врать* все эти годы, как можно было скрывать от нее человека, которому даже *шанса* не дали побыть ее отцом, как вообще это кем надо быть, чтобы такое сделать, да ведь только самым ужасным человеком надо быть, и вот после всего этого она прокричала: “Я больше никогда *ни слова* тебе не скажу!” (знала бы она тогда), и на следующее утро спросила у телефонной трубки: “Как дешево добраться до Айовы?”

И вот она сидит на диване своего отца (?), с непреклонным видом скрестив руки на груди. Мать отныне даже *голоса ее не услышит*.

Он (*возвращая телефон к уху*): Э-э, я попрошу ее тебе перезвонить.

Положил трубку.

— Она говорит, тебе надо поесть.

Качнувшись взад-вперед, поднялся с дивана и поплелся на кухню.

Теперь-то понятно, почему донор спермы был белым — потому что у матери был с ним секс, а не потому что она поставила в анкете галочку рядом с вариантом “белый”. Дедушка Джейни был из Мексики, и они с матерью обе носили его фамилию. Флорес. Почему ты не выбрала латиноамериканца? — вечно докапывалась Джейни. Хотя бы с этим все выяснилось.

— Газировку будешь? — крикнул он из кухни. — Она всегда говорила, что когда-нибудь ты захочешь меня найти. Если бы ты еще немного подождала, я бы успел получше устроиться.